

КОТОВ А. М.

**СТИЛИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС ВЭНЬЯНИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ
КИТАЙСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ**

В новейший период истории в странах Востока наблюдается активный процесс функционального и внутривидового развития языков [1]. Одной из составных частей этого процесса, как отмечают исследователи, является «движение за ликвидацию разрыва между литературными (по преимуществу книжными) и народно-разговорными языками» [1, с. 8]. Устранение этого разрыва — процесс длительный и не являющийся механической заменой одного языка другим. В ходе параллельного функционирования и сближения они оказывают влияние друг на друга в структурном и функционально-стилистическом планах. При этом «выбор этих подсистем или их элементов несет социальные и стилистические функции и определяется правилами их использования, которые составляют часть правил социального поведения члена данного общества» [1, с. 14].

К числу таких литературных языков, далеко отошедших от разговорных, относится старый литературный язык Китая вэньянь, продолжающий и в настоящее время оказывать влияние на современный китайский литературный язык. В данной статье будет рассмотрена стилистическая роль элементов вэньяня (вэньянизмов) в современном китайском литературном языке, их функция в формировании последнего.

Современное состояние функционально-стилистической дифференциации китайского языка во многом определяется взаимодействием (как в диахронии, так и в синхронии) двух литературных языков — вэньяня и байхуа. Первый, базировавшийся при своем создании на северных древнекитайских диалектах, претерпевая известные изменения, просуществовал вплоть до начала нашего века в качестве письменно-литературного языка Китая, обслуживавшего науку, делопроизводство, политику, школу, художественную литературу во многих ее жанрах. Вэньянь был оторван от живого разговорного языка, называемого байхуа, и не отражал изменений, происшедших в последнем за несколько веков. Однако уже в середине века появляется повествовательная литература на байхуа, и он начинает постепенно отвоевывать позиции у вэньяня. В результате демократизации общественной жизни в Китае в начале нашего века, выхода на политическую арену широких народных масс, литературно-языковой практики писателей-реалистов, прогрессивных общественных деятелей и публицистов байхуа утвердился в настоящее время во всех сферах общения, вытеснив из них вэньянь как с и с т е м у структурных и стилистических норм. При этом, однако, вэньянь обогатил современный литературный язык рядом явлений, приобретенных в последнем, как правило, определенную стилистическую окраску. Как бы нетерпимо ни относились к вэньяню некоторые литераторы, без его языкового богатства оказалось невозможным обойтись (достаточно хотя бы сравнить общие теоретические установки Лу Синя и фактически используемый в его произведениях язык),

и в конечном счете дело свелось к сохранению определенного количества наиболее нужных, точных, экспрессивных слов, устойчивых выражений и синтаксических построений вэньяня.

Картина взаимодействия вэньяня и байхуа, показанная выше в диахроническом плане, оказывается не такой простой при рассмотрении ее в синхронном состоянии. Процесс литературно-языковой ассимиляции многих явлений вэньяня еще не закончился, более того, можно сплошь и рядом столкнуться с проявлением казалось бы «реанимации» вэньяня и, как следствие этого, нечетким противопоставлением вэньяня и байхуа в некоторых речевых стилях. При этом бывает неясна стилистическая роль вэньянизмов, осознавать которую требуется при художественном анализе и переводе. Как представляется, объективная сложность взаимоотношений этих двух языковых пластов и субъективные трудности, связанные с пониманием этих взаимоотношений, объясняются комплексом причин, важнейшими из которых являются активный характер процессов, происходящих в настоящее время в сфере литературного языка, типологические особенности китайского языка (в частности, размытость границ между морфемой и словом), особенности письменной формы речи вообще и связанные с иероглифическим письмом в частности. Именно в свете названных факторов и будет рассмотрена стилистическая дифференциация явлений, относимых к вэньянизмам, и определяемые ею условия и закономерности их функционирования.

Наблюдения показывают, что единицы современного языка, называемые в лингвистических работах элементами вэньяня, или вэньянизмами, неоднородны в плане их отношения к современной литературной норме и распадаются на ряд групп. К первой группе относятся заимствования из вэньяня как литературного языка, т. е. явления, оказавшиеся по той или иной причине жизнеспособными и достойными сохранения в современном литературном языке. Они вошли в плоть и кровь последнего, и чтобы отличить многие из них от новоструктурных образований, требуются известные разыскания. Критерий односложности — двусложности, с которым в известной мере связывается отличие вэньяня от байхуа, здесь применить невозможно, поскольку вэньянь в ходе своего развития насыщался двусложными словами и в этом смысле в определенной степени «плавно» перешел в современный литературный язык. Таковы, например, слова *даньчэнь* «день рождения», *цзуньсюнь* «руководствоваться», *чжуй* «соблезновать», *даньфань* «образец, пример», *минци* «запечатлеть в сердце», *шиши* «скончаться», *чжаочжу* «ясный», *дяоянь* «почтить память умершего» [2]. Обычно такие слова обладают «высокой», торжественной окраской. Они могут быть употреблены и в разговорной речи, если того потребует ситуация общения. К таким же полноправным единицам современного литературного языка можно отнести устойчивые словосочетания-фразеологизмы с архаическими по происхождению компонентами. Обычно под фразеологизмами китайцы понимают главным образом так называемые *чэньюй*, т. е. устойчивые фразеологические словосочетания (чаще четырехсловные), построенные по нормам древнекитайского языка, семантически монолитные с обобщенно-переносным значением, носящие экспрессивный характер и функционально являющиеся одним членом предложения [3]. Однако фразеологических сочетаний с архаическими компонентами намного больше, чем это обычно принято думать. Это весьма обширная группа, куда входят речения паремического характера, крылатые слова, литературные клише, трафареты, литературные цитаты (так называемы *дяньгу*). Благодаря традиционно поощряемому и практикуемому подра

жанию «лучшим» образцам литературы и цитированию их в литературном языке бытует очень много «готовых» выражений, которые, не говоря уж о чэньюях, фиксируются в специальных словарях. Обычно значение таких устойчивых сочетаний, так же как и названных выше слов, ощущается рядовыми носителями языка (неспециалистами) глобально, не покомпонентно¹, поэтому архаический характер их компонентов не выступает явно. К явлениям, подобным перечисленным выше, можно отнести и выражение некоторых синтаксических отношений с помощью пришедших из вэньяня служебных слов и образуемых ими рамочных конструкций: *со, и, эр, вэй... со, вэй... эр* и т. п.

Значительная часть рассмотренных языковых средств имеет книжную окраску, однако будучи неотъемлемой частью соответствующих уровней подсистем языка, входя в системные отношения с другими элементами последних, они вовлекаются в процессы развития этих подсистем, в том числе и в процессы перераспределения стилистической «нагрузки». Например, вэньянизм *ци ю ци ли* «какое безрассудство!», имевший книжную окраску, в силу частого употребления и проникновения в разговорную речь утратил ее, стал общеупотребительным, в качестве же книжного синонима используется выражение *нин ю ши ли ху* [5, с. 490]. Потеря книжности произошла и у выражения *цзун эр янь чжи* «одним словом, в общем». Например, герой рассказа Чжан Тяньи «Двадцать один», речь которого далека от литературной, употребляет его вместе с грубо-вульгарным восклицанием междометного характера *тама*; здесь же употреблен жаргонизм *дайхуа* «быть раненным», что тоже свидетельствует о стилистически сниженном характере речи: *Бу чжидао, цзыци чжэнь ибянь е бу мин. Цзун тама эр янь чжи, во шэмма дифан дайхуала* «Не знаю, просто сам ничего не понимаю. Куда же, черт возьми, меня зацепило?». Не раз отмечалось проникновение в разговорную речь (т. е. снижение уровня книжности) синтаксических рамочных конструкций со служебными словами вэньяня.

Итак, рассмотренные единицы можно отнести к вэньянизмам, лишь имея в виду их происхождение, а не восприятие их в рамках современной литературной нормы. В самом деле, носитель языка, не знакомый с вэньянем, в том или ином объеме, в зависимости от культурного уровня, их понимает и употребляет в соответствии с их стилистическим значением. Недаром в словарях они подаются без стилистических помет, указывающих на их архаический характер.

Ко второй группе средств, являющихся объектом нашего рассмотрения, относятся единицы, встречающиеся в письменном употреблении, но не вошедшие по тем ли иным причинам в литературный язык. Следует отметить, что поскольку процесс сложения литературного языка активно продолжается, граница литературной лексики, так сказать, со стороны вэньяня продолжает оставаться открытой: в литературе встречаются вэньяневские слова, которые еще не вошли (а может быть, и вообще не войдут и будут отвергнуты) в соответствующие синонимические ряды литературного языка, рассматриваемые как системы, т. е. не противопоставились остальным членам этих рядов ни семантически, ни стилистически. Они обычно непонятны на слух, и употребление их не сообщает речи какой-либо окраски, а свидетельствует либо о низкой речевой культуре (в смысле знания современной литературной нормы и ее тенденции),

¹ О различном восприятии внутренней формы китайского слова грамотными и неграмотными см. [4].

либо о стремлении «блеснуть» начитанностью в классической литературе, и если генетические вэньянизмы первой из названных групп не сопровождаются в словарях никакими пометами, а их «возвышенный» характер отражается в толковании, то данные слова приводятся с пометой *шу*, которая объясняется как «слова вэньяня, встречающиеся в письменном виде», например: *бяньчуй* «окраина», *цзанпи* «давать оценку», *нецзун* «преследовать», *цзиньне* «нанести визит», *сицзин* «тропа», *паньцуй* «извилистый» [6]. Подобные единицы мы и называем вэньянизмами. Употребление их обычно подвергается критике, но граница между ними и словами современного литературного языка не является непреодолимой: все зависит от языковой практики литераторов, и бывает так, что слово, ранее осуждаемое как «засоряющее» язык, в силу каких-либо его свойств входит впоследствии в лексическую систему литературного языка. Например, Цао Бохань в 1954 г. писал о слове *хоси* «получить известие, стало известно» как принадлежащем письменной речи, непонятном на слух [7], однако в «Словаре современного китайского языка» [6] оно дается без помету *шу*. Это же относится к словам *шэнь* «очень, весьма», *жуцы* «так, такой», *эрчи* «просто, только и всего», *чжаоси* «изю дня в день, постоянно», *посо* «кружиться, качаться», *чоучан* «грусть», *сяцы* «недостаток, изъян», *синцзин* «преступные деяния», приводимым в одной лингвистической статье, опубликованной в 1956 г. [8].

Вэньянизмы имеются и среди словосочетаний. Как было сказано выше, фразеологизмы с архаическими компонентами мы не относим к вэньянизмам, поскольку фразеологизм — это единица, имеющая или приобретающая стилистическое значение целиком, а не покомпонентно. Однако в литературном языке много не только собственно фразеологических сочетаний, но и просто устойчивых лексических сочетаний, привычных оборотов речи, пришедших из вэньяня, например: *бу кэ хоу фэй* «нельзя особенно упрекать», *у гуань цзинь яо* «несущественно», *ци эр янь чжи* «в крайнем случае», *цзю мин чжи энь* «спасительное милосердие», *тин шэнь эр чу* «встать грудью». По моделям таких оборотов пишущими могут создаваться окказиональные речения с элементами вэньяня. В подобных случаях бывает трудно решить вопрос о степени устойчивости, а следовательно, и о правомерности рассмотрения таких речений в качестве единиц современного литературного языка, обладающих в нем определенной стилистической окраской. Трудность заключается в том, что эта языковая область как раз и является одной из «критических точек» формирования литературного языка, именно здесь «мастера обрабатывают язык», здесь отсеиваются вэньянизмы, которым так и суждено ими остаться, от тех, что становятся единицами литературного языка и, следовательно, могут быть употреблены в любом типе речи, а не только в письменной². Сближение письменного языка с устным, о котором так много говорят в Китае, это и есть процесс, в результате которого вэньянизмы ассимилируются литературным языком. Сближение происходит с двух сторон: устно-разговорная речь, осваивая вэньянизмы, «олитературивается», приближается к письменно-книжной. Тем не менее полного совпадения этих двух типов употребления языка, по-видимому, никогда не произойдет. В стремлении к краткости, афористичности формы «художники слова» всегда будут обращаться к иероглифическому языку, «предлагая» тем самым литератур-

² Ср. сходное замечание Чжао Юаньжэня: «...если литературное выражение встречается часто в речи и если при этом ни говорящий, ни слушающий не чувствуют, так сказать, курсива или кавычек, то оно должно быть признано частью языка» [5, с. 489].

ному языку выбрать из их творчества и закрепить какие-либо единицы. В этом постоянном процессе — один из важных источников развития китайского языка.

Наконец, имеется еще одна группа относящихся к вэньянизмам явлений, существование которых обусловлено особенностями иероглифической письменной речи и размытостью границ между морфемой и словом в китайском языке. Сущностным свойством письменной речи является предназначенность для зрительного восприятия со всеми вытекающими отсюда последствиями: возможностью неоднократно обращаться к письменному тексту для его осмысления и способностью письменной речи отрываться от устной. Этот отрыв достигает различной степени в зависимости от типа письменности. Буквенное письмо в принципе (отвлекаясь от элементов консерватизма в орфографиях некоторых языков) однозначно передает план выражения единиц языка на уровне фонем, иероглифическое же письмо фиксирует слова или морфемы, т. е. единицы содержательные, что при универсальной тенденции письменной речи к экономии и всякого рода сокращениям создает широкие возможности для ее обособления, превращения как бы в самостоятельный графический язык. В данном случае речь идет не об аббревиатурах и сложносокращенных словах как способах сокращения сложных номинативных единиц, а об особом явлении письменной компрессии текста, предпринимаемой в целях экономии усилий, времени, предметов и орудий письма. Примером подобной компрессии могут служить объявления в газетах, тексты толкований в энциклопедических словарях, индивидуальные черновики, конспекты, записи. Компрессия текста проявляется в графическом сокращении слов или замене их условными знаками. В языках с алфавитной письменностью сокращение слов осуществляется побуквенно и имеет пределом возможность понимания значения слова и его синтаксических связей, если, конечно, конкретное сокращение не принадлежит к общепринятым, например, *и др.*, *и т. п.*, *и проч.*, *см.*, *указ. соч.* Пишущий на китайском же языке в целях компрессии текста может либо прибегнуть к усечению двухморфемного слова, записывающегося двумя иероглифами, до одной морфемы, которая в этом случае в соответствии с типологическими особенностями китайского языка приобретает качество слова и совпадает с единицей вэньяня, либо воспользоваться одноморфемным словом вэньяня, передающим то понятие, которое в современном языке выражается инокоренным двухморфемным словом, т. е., например, либо сократить *дида* «прибывать» до *ди*, либо употребить *хуа* вм. *чжунго* «Китай» или *цзи* вм. *цзюши* «именно, то есть». При этом пишущий обычно не преследует какой-либо стилистической цели, что отмечается во многих лингвистических работах. Так, Чжэн Чжидун считает, что употребление служебных слов вэньяня в газетах это в большинстве случаев дань литературной традиции «или стремление сэкономить пару иероглифов в заголовке» [9]. Янь Сю, критикуя утверждение Б. Карлгрена и А. Масперо об односложном характере китайского слова, указывает, что причина этого заблуждения в переносе особенностей письменной речи на весь язык. В подтверждение своей мысли он приводит слова Лу Синя: «Я полагаю, что китайская устная и письменная речь никогда не были одинаковыми, и главная причина этого состоит в том, что иероглифы трудно писать и приходится поэтому некоторые из них выбрасывать» [10].

Вэньянизмы, появление которых в тексте есть результат подобного «телеграфного» употребления языка и которые поэтому существуют лишь в письменном виде, назовем скрипtizмами. Они не обладают стилистиче-

ской окраской и употребление их не связано с «повышением» стиля. Приведем ряд примеров высказываний с ними:

1) *Чжэ тьянь шан'гу чуфан ли юйбэйла сань чжо цзюси. Тан'гу ли ань и чжо* <...>, *ю шанфан (цзи и гу лаотайе ды французань) ли и чжо* <...> *лин и чжо цзюси бай цзай шуфан ли* «В этот день с утра было наготовлено угощения на три стола. Один стол был накрыт в гостиной <...>, другой — в правой комнате наверху (то есть в комнате покойного дедушки) <...>, третий стол с угощениями был поставлен в кабинете».

2) *Юй цзоу* «Собирается уйти» (ремарка в пьесе).

3) *Чжоу цзунли ди Гэбэньхагэнь* «Премьер Чжоу прибыл в Копенгаген».

4) *Цы цзюй кэ бу юн иньхао, юн иньхао е чжи нэн юн юй цзао ман чэнь* *сань цзы* «В этом предложении кавычки ставить не обязательно. Если же ставить, то заключая в них иероглифы „цао ман чэнь“».

5) *Моу хутун ды и чжу да шу ся, шуе ган чу я. Цин Хайянь ли...* «Переулок. Большое дерево, на котором только что распустились листья. Пин Хайянь стоит ...» (ремарка в пьесе).

Здесь в первом примере употреблены *вэньязмы* *цзи* «именно, то есть», *и* «уже», *гу* «умереть»; во втором — *юй* «хотеть, намереваться»; в третьем — *ди* «прибывать»; в четвертом — *цы* «этот», *цзюй* «фраза, предложение», *кэ* «можно»; в пятом — *ли* «стоять».

Следует отметить, что несмотря на письменный характер бытования скриптизмов, некоторые из них могут при частом употреблении, например, средствами массовой коммуникации войти в общий язык, и тогда это будут уже не скриптизмы. Однако о наличии стилистической окраски можно говорить лишь в том случае, когда единица стала элементом звучащего языка, когда она может появиться (и не без стилистического задания, рассчитанного на определенный коммуникативный эффект) не только в письменной речи. В самом деле, можно ли говорить о наличии стилистического значения у отдельно взятого скриптизма, если он, хотя и является синонимом по отношению к ряду слов, находится вне системы стилистических противопоставлений? Скриптизмы лишь сигнализируют о книжно-письменном характере текста, не обладая сами при этом соответствующей стилистической окраской. Это интуитивно чувствуют и переводчики, которые не передают автоматически скриптизмы на русском языке книжными словами, а переводят их в соответствии с общим стилистическим «тоном» текста.

Возникает вопрос, а можно ли говорить о наличии единой литературной нормы, если пишущие по своему произволу употребляют те единицы звучащей речи, то их компрессированные варианты. Представляется, что можно, поскольку, во-первых, скриптизмы в китайских текстах встречаются не так уж часто, а во-вторых, в их функционировании прослеживается не произвол, а некоторая закономерность, заключающаяся в их приуроченности к текстам определенного типа. Поясним данную мысль.

Как известно, языковое общение может преследовать цель либо объективного, бесстрастного доведения какой-либо информации, либо сообщения фактов, пропущенных через призму авторского отношения к ним. Первый тип изложения (рациональный, или интеллектуальный) ориентирован по преимуществу на содержание, форма здесь играет второстепенную роль; при втором (экспрессивном) активно используются содержательные возможности формы для воздействия на читателя. Тексты первого типа предназначаются для прочтения, второго — для чтения как «постоянного общения между читателем и произведением в познавательных и эстетических целях» [11, с. 31].

Наблюдения показывают, что скриптизмы тяготеют к текстам первого типа, которыми могут быть некоторые жанры официально-деловой и научной речи, информационные сообщения в газетах, заголовки, технические инструкции, наставления, словарные дефиниции и т. п. Крайним проявлением содержательной направленности сообщения и, следовательно, максимального использования скриптизмов являются тексты телеграмм, и в этом случае уже не приходится говорить ни о литературе, ни о литературном языке ³.

Названные выше полярные характеристики текстов являются абстракциями, выделенными, так сказать, в чистом виде. Реальных текстов, которым была бы присуща исключительно одна рациональность или экспрессивность, очень мало. Обычно в текстах эти характеристики перемежаются в соответствии с движением структурно-композиционных элементов, например, страстная публицистическая статья с «рациональным» заголовком, сноска или абзац пояснительного характера в художественно-литературном произведении, подпись под рисунком в корпусе произведения, математическое рассуждение среди текста критико-полемиического характера. Перемежение рассматриваемых характеристик может наблюдаться даже в пределах абзацев, например, «рациональное» вводное предложение в «экспрессивном» абзаце. Таким образом, в текстах «для чтения» содержатся композиционные элементы и словесные ряды ⁴ «для прочтения». Именно этим фактором и определяется частота употребления скриптизмов и их распределение внутри текстов.

Показанная выше картина функционирования скриптизмов отражает объективную (описательную) норму. Что касается мнения лингвистов и литераторов о них, т. е. субъективной (предписательной) нормы, то почти единодушно признается, что их надо изгонять, а письменная речь должна максимально приблизиться к устной. Трудно сказать, в какой степени осуществима эта установка в условиях иероглифической письменности, поскольку между последней и существованием скриптизмов имеется несомненная связь, что признается и китайскими учеными. В частности, Ван Ли полагает, что лишь «с введением новой письменности (имеется в виду буквенное письмо.— К. А.) вэньяневский „осадоk“ будет смыт, люди не смогут больше, как это делал Лу Синь, „творить“ слова из вэньяневских иероглифических слов, не смогут употреблять многие мертвые, получившие в современном языке замену, иероглифы вэньяня» [13]. Опыт свидетельствует, что когда в КНДР изъяли из употребления иероглифы, пришлось отказаться от многих иероглифических (так называемых ханмунных) слов, которые были понятны лишь в иероглифическом написании. Для подобных слов в КНДР были специально подобраны исконно корейские эквиваленты, а на Юге Кореи, где сохранилась иероглифическая письменность, продолжают бытовать лексические единицы иероглифического происхождения [14].

³ М. В. Софронов пишет, что «в разговорном стиле и литературно-художественной речи элементы вэньяня неощутимы», и видит в этом «отражение былого противопоставления высокого стиля на вэньяне низкому стилю на разговорном языке» [12]. В свете изложенного представляется, что причина этого заключается еще и в том, что художественная литература — это и есть тексты, предназначенные для чтения. К тому же элементы вэньяня первых двух рассмотренных групп в ней вполне ощутимы.

⁴ Понятие словесного ряда введено В. В. Виноградовым и развито А. И. Горшковым. «Словесные ряды, движение, чередование и развертывание которых образует композиционную структуру текста, ... это не только собственно словарные, лексические ряды, но и ряды всех других языковых единиц и единств, которые могут вестись в слова или составиться из слов» [11, с. 17].

В настоящее время, по всей видимости, пафос борьбы с вэньянизмами обращен главным образом против употребления скриптизмов, выходящего за рамки показанной объективной нормы, против формалистических вывертов, неоправданного подражательства старинной манере письма⁵. Не случайно, что в основном полем борьбы против вэньянизмов являются художественная литература и публицистика, т. е. тексты «для чтения».

Еще одним нарушением рассматриваемой нормы, с которым ведется борьба, является употребление скриптизмов в устной речи. В принципе они по самой своей сути «противопоказаны» ей, однако в языковой коммуникации письменная и устная формы не разгорожены непреодолимой стеной, при этом социальный престиж первой оказывается выше, и в тех случаях, когда требуется показать «грамотность» (оставляя в стороне другие побудительные мотивы), человек, не чувствующий стилистической нормы, может прибегать к скриптизмам. Например, Цао Бохань в указанной работе пишет, что интеллигенты в разговоре часто употребляют непонятные на слух слова, при этом речь идет вовсе не о словах терминологического характера или с каким-то специфическим значением. Данное явление, естественно, считается нарушением нормы, и в художественной литературе оно используется в качестве характерологического средства. Однако, как отмечалось выше, при определенных условиях вэньянизм может стать единицей звучащего языка, приобретая при этом стилистическую окраску. Поэтому определить литературно-языковой статус конкретной единицы на синхронном срезе бывает затруднительно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Исаев М. И., Никольский Л. Б.* Общие тенденции и факторы развития языков в странах зарубежного Востока // Развитие языков в странах зарубежного Востока (Послевоенный период). М., 1983.
2. Сяньдай ханьюй. Шанхай, 1981. 282 е.
3. *Баранова З. И.* Чэньюй как разряд фразеологизмов китайского языка: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1969. С. 9.
4. *Пэн Чунань.* Даньиньцзекэй ды шичжи // Сяньдай ханьюй цанькао цзыляо. Шан цэ. Шанхай, 1982. 167—180 е.
5. *Yuen Ren Chao.* A grammar of spoken Chinese. Berkeley and Los Angeles, 1968.
6. Сяньдай ханьюй цыдянь. Байцзин, 1979.
7. *Цао Бохань.* Юйвэнь вэньти пинлуньцай. Шанхай, 1954. 121 е.
8. *Чжан Шилу.* Сяньдай юй ли ды гуйюй // Сяньдай ханьюй цанькао цзыляо. Чжун цэ. Шанхай, 1982. 350 е.
9. *Чжэн Чжидун.* Синьвэнь юйянь бисий цзэцзинь миньчжун // Сяньдай ханьюй цанькао цзыляо. Шан цэ. Шанхай, 1982. 141 е.
10. *Янь Сю.* Пипань Гао Бэньхань хэ Ма Бодэ ды ханьюй юйфа гуаньдянь // Сяньдай ханьюй цанькао цзыляо. Шан цэ. Шанхай, 1982. 183 е.
11. *Горшков А. И.* Теория и история русского литературного языка. М., 1984.
12. *Софронов М. В.* Книга по стилистике китайского языка // Проблемы Дальнего Востока. 1981. № 2. С. 179.
13. *Ван Ли.* Лунь ханьцзу бяочжуньюй // Сяньдай ханьюй цанькао цзыляо. Шан цэ. Шанхай, 1982. 39 е.
14. *Скорбатько И. Д.* Языковые различия в КНДР и в Южной Корее / Развитие языков в странах зарубежного Востока (Послевоенный период). М., 1983. С. 141.

⁵ К подобным случаям следует отнести и любопытное явление, которое можно назвать стилистической индукцией: когда в тексте приводится цитата на вэньяне, ее ближайший контекст обычно бывает насыщен скриптизмами.